

Ирина Долженко:

С блистательной певицей, заслуженной артисткой России Ириной Долженко мы говорили и о зарубежных оперных театрах, которые приглашают ее наперебой, и о неожиданном амплу ее мужа...

— Почему говорят, что время настоящих примадонн прошло?

— Короля играет свита. И если кому-то понадобится примадонна, то ее «сыграют». Так было во все времена. А вообще ведь примадонна — особый статус, это образ жизни. И постоянно изображать её, придерживаться определённых правил игры — непросто. Это большая физическая нагрузка. И потом, примадонна всё-таки географически должна быть привязана к одному театру. А в наше время это невыгодно, да и неинтересно. Певцы сейчас стремятся спеть как можно больше партий, выступить в разных театрах.

— Вы за рубежом поете много. Интересно, а что сейчас там ставят, кто поет, каким спектаклям отдает предпочтение публика? Как котируются наши артисты?

— Зритель ходит на любимых исполнителей. Даже если у любимчика не слишком большой репертуар. Например, в Касселе ходят на дирижера Патерностро, потому что... он такой красивый, импозантный, с элегантными манерами, он всегда не просто представляет, а преподносит что-нибудь интересное. В театре он занимает пост главного дирижера, публика считает с его статусом и верит ему. Если он вводит в спектакль совершенно неизвестного молодого певца или певицу — все воспринимают это как открытие, сенсацию. Я знаю, что весь Берлин ходил в «Комисе Опер» на Евгения Шапина, сейчас — на Александра Федина. В «Дойче Опер» — на Елену Зеленскую, Бадри Майсурадзе, Всеволода Гривнова. Руководство театров Дюссельдорфа, Кельна и Дармштадта подстраивает свой репертуар под Елену Брылеву, потому что она собирает аншлаги.

— Какие знаки внимания публики обычно оказывает своим фаворитам?

— В отличие от России дарить цветы особенно не принято. Чаще оказывают «полезные» знаки внимания: дарят то, что может пригодиться тебе в работе. Однажды я получила в подарок от не знакомого мне слушателя антикварный клавир вагнеровского «Зигфрида», современное издание «Кавалера розы» Рихарда Штрауса, сборник романсов Гуго Вольфа. Приходят письма и от обычных меломанов: «Пришли, пожалуйста, свою фотографию с подписью, мы собираем автографы»... Есть настоящие поклонники, которые ждут твоих гастролей, ходят на все твои спектакли. Скажем, когда я приезжаю в «Дойче Опер», на проходной театра первым делом мне выдают «зрительский мешок» — письма от поклонников. В кон-

вертах — фотографии с прошлых спектаклей, аудиозаписи... Недавно меня попросили поставить автограф на CD-альбоме «Опричника» — эту оперу ставили в Кальери Грэм Вик и Геннадий Рождественский, а я там пела боярыню Морозову.

— Интересно, с чего вдруг в Италии поставили не самую популярную оперу Чайковского?

— В оперном театре Кальери традиционно первая премьера года — постановка, которая еще ни разу не шла в Италии.

— Но в «Опричнике» наша история, сложные русские судьбы. Как оперу приняла итальянская публика?

— Русский состав певцов очень сильный, и мы имели большой успех. Замечательный был Огновенко (Вязьминский), Гривнов пел Андрея, Дурсенева — Федора Басманова, Ласовская — Наталию, Ульянов — Митькова... Изумительные декорации: ненарисованное болото, все мы по нему ходили, хлюпая по воде ногами. Отдавало аутентичной «русскостью» — девушки в кокошниках, отдельные детали, тщательная, со знанием исторических подробностей, проработка характеров (хвала режиссеру!). Но были и странности: например, на сцене лежал сломанный иконостас, и не все решились наступить на него. У меня такой задачи, к счастью, не было.

— Считается, что предельно лаконичная сценография — от бедности. Чем богаче декорации и костюмы, тем состоятельнее театр, который может

«раскошелиться» и на шикарных певцов.

— В 70-е годы прошлого столетия многие музыкальные театры небольших западноевропейских городов заманивали публику сенсационными, а то и просто скандальными постановками. Поход в театр для меломанов превращался в хэппенинг — не всегда с благополучным концом... Несколько лет назад в Стокгольме я и сама ездила в

«Аиде» на мотороллере. Примерно такой же у них был и «Борис Годунов». А в израильской «Новой Опер» в Тель-Авиве картины «Бориса» были сделаны в разных временных категориях. Например, сцены с Мариной Мнишек — это Смутное время, костюмы, декорации, приближенные к той исторической эпохе, одним словом, праздник для глаз и ушей. Все остальное — кожаные плащи и другие непопулярные атрибуты современной эпохи.

— Правда, что на Западе приглашенному певцу болеть категорически нельзя? Спектакль не отменяют и не перенесут, а просто безжалостно найдут ему замену?

— Именно так. Что бы ни говорили о нашей медицине, но только порабатыв на зарубежных подмостках, начинаешь ценить наших врачей, их бережное отношение к певцу, к голосу... В Западной Европе заболевшая звезда для медперсонала — рядовой клиент с медицинской страховкой, которого надо «снять с корабля». Незаменимых там нет.

— В Риге и берлинской «Дойче Опер» вы неизменно участвуете в «Бале-маскараде» Верди...

— У нас с Рижским театром взаимная любовь. Скоро поеду в Савонлинну на оперный фестиваль с рижским «Балом-маскарадом»... В Савонлинне со мной один раз произошла жуткая история. Оперный фестиваль там проходит в старинном замке, в котором немало явных и потай-

В объятиях тенора ПРИЯТНЕЕ, чем в объятиях баритона!

Марина Мнишек во всей красе Ирины Долженко

ных входов и выходов, лазов, странных лестниц и бойниц. Я должна была выступить в партии Прециозиллы в опере Верди «Сила судьбы». Сажу в гримерке, жду, когда за мной придет помощник режиссера. «Уж полночь близится, а Германна все нет...» Смотрю на часы — пора на сцену! В коридоре хористы подсказали мне, как добраться до нее: спустись вниз, вылезай через бойницу во двор, пробегай через двор, потом по лестнице забираешься на самый верх башни и т.д. Когда я оказалась во дворе, я так и обомлела: оказывается, мне надо было лезть по лестнице, которая висела над озером! Я уже отчетливо слышала оркестр, через несколько минут — мой выход!.. Сердце мое колотилось как никогда. Я добежала по лестничным маршам до пятого этажа, но бойница, через которую нужно было еще пройти, оказалась закрыта. Началась рукопашная схватка с препятствием. На мое счастье, в башне оказался какой-то человек, он и открыл мне бойницу с обратной стороны. Конечно, я успела к своим тактам, но спеть уже не смогла ни одной фразы... После этого случая мне долго снился сон, что я опаздываю на сцену.

— Савонлинна — маленький город в Финляндии. Фестиваль длится все лето, спектакли — каждый день. Интересно, откуда берутся зрители?

— Это довольно известный оперный фестиваль, и публика там — туристическая. Ее привозят на самолетах, автобусах из разных европейских городов. Фестиваль в Савонлинне — один из пунктов многих туристических маршрутов.

— А правда, что на фестивалях оперные певцы поют в микрофон?

— Чистая правда. В Вене, например, в Шеннбрунском парке на открытой летней эстраде спектакль слушают и смотрят не меньше пяти тысяч человек. Точно так же в Буэнос-Айресе мы пели в «Аиде» — там на одной только сцене было 800 артистов. Как тут без микрофона?

— Микрофоны подвешивают или их прячут?

— Встраивают в парик. А вот Мюнхенский фестиваль показывает спектакли в закрытых поме-

щениях, поэтому там ни о каких микрофонах и речи нет.

— В чем, кроме приличного гонорара, прелесть выступлений на зарубежных подмостках?

— Это возможность заниматься с коучем — педагогом-репетитором, специалистом по той или иной опере, стилю или композитору. Где как не в Вене или в Зальцбурге получать знания по операм Моцарта? Нельзя останавливаться, даже если ты признанная звезда. Певцом быть трудно: много условностей, из которых складывается наша профессия. Недаром ведь музыканты учатся не четыре-пять лет, как все нормальные люди, а минимум — двенадцать.

— Как думаете провести лето, что в будущем сезоне?

— Скоро еду в Савонлинну, там у меня три «Бала-маскарада». В будущем сезоне у меня запись CD со шведской фирмой — арии и сцены из опер. Снова буду петь в Риге — кроме Верди, у меня там «Енуфа» Яначека, причем на чешском языке. Потом «Эдип Энеску в Кальери», «Война и мир» в «Опера Бастиль» в Париже, концерты в Москве, спектакли в Берлине...

— Ваш муж — певец, заслуженный артист России Вадим Тихонов — недавно снялся в телесериале...

— Он меня этим удивил: что вот так просто можно пойти и сыграть роль в кино. Название сериала не знаю, содержание — тоже. Знаю одно: что у него роль доктора Попова. Меня успокоили: не волнуйтесь, это положительный персонаж, ничего такого не будет. К осени обещали все серии смонтировать.

— Вадим до недавнего времени пел баритон, сейчас поет тенором. С каким голосом легче жить под одной крышей?

— С тенором, конечно, потому что баритоны по своему амплу, по ролям — в основном коварные персонажи. И вообще, приятнее ощущать себя в объятиях героя-любownika (тенора), чем героя-отравителя, или еще хуже — неудачника (баритона).

— Чем займетесь завтра?

— Я в отпуске. Сяду наконец-то за чтение фантастического рассказа моей дочери Маши.

Беседовала Людмила ОСИПОВА

Амнерис в латышской «Аиде» похожа на курземскую княгиню

Вер. Москва - 2004 - 14 июля - с. 6

66